

18+

ВЯЧЕСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ
ЛОБАНОВ

Фёкла

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Вячеслав Лобанов

Фёкла. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Лобанов В. А.

Фёкла. Сборник рассказов / В. А. Лобанов — «Издательские решения»,

Рассказы Вячеслава, полные светлой грусти и тонкой иронии, предлагают читателю с теплотой оглянуться на собственное прошлое и с улыбкой узнать в невымышленных героях своих соседей, друзей или даже самих себя.

© Лобанов В. А.

© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Рассказы	8
Фёкла	8
Фекла и ее старшие сыновья	11
Политзанятие	13
Раида	15
Свадьба	17
Звонок папе	19
Славик	22
В гостях у бабушки	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Фёкла

Сборник рассказов

Вячеслав Анатольевич Лобанов

Редактор Денис Вячеславович Лобанов

Редактор Дмитрий Вячеславович Лобанов

© Вячеслав Анатольевич Лобанов, 2026

ISBN 978-5-0070-3351-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Говорят, что человеческие возможности безграничны. Что в экстремальной ситуации он совершает невозможное, и сам себе удивляется. Так и мой герой — обычный сельский пенсионер, жил себе спокойно и ничем особо не интересовался, кроме курочек, уточек, гусей да свиней. Верхом его интересов были пчелы, но это наследственное — передалось от предков.

Но случается невозможное. Метаморфоза происходит мгновенно.

Однажды на разрешенном мероприятии около мужика с протянутой рукой («Он же памятник!») выступал широко известный в узких кругах поэт районного масштаба. Это было обычное дело. Необычным в этот раз стало то, что Вячеслав Анатольевич обратился к поэту с просьбой: посмотреть наброски — послания потомкам для семейного архива. Рукописи не представляли литературной ценности и, по мнению автора, не подлежали опубликованию. А вот дети и знакомые хвалили. Из уважения к возрасту? Так думалось.

Приглашение на заседание литературного объединения «Сте-Лит» принято. Галстук на месте, борода расчесана. Опустим оргвопросы — ну, куда без бюрократии! Начали по очереди делиться новинками. Каждому хлопали из вежливости. Но когда Вячеслав Анатольевич прочитал рассказ «Фёкла», раздались бурные аплодисменты. Вы слышали, как хлопали Брежневу Леониду Ильичу на съезде партии? Нет. Я слышал. Конечно, аплодисменты были гораздо скромнее. Затем посыпались вопросы. Всех удивило то, что писать начал лишь в феврале. Запомнилось и заставило поверить в себя от председательствующего: «А вы к нам ещё придете?». Нахождение среди единомышленников удваивало силы, окрыляло.

А причиной таких резких изменений послужило следующее: диагноз «рак или злокачественная неоплазия». И самое смешное, и горькое, что это самая неоплазия ничего иного, а именно простаты! И вот позади все круги ада: проктологи и онкологи районного пошиба. Вот Вячеслав уже в Уфе, в лучшем онкоцентре страны — в республиканском клиническом онкологическом диспансере. Позади все анализы и обследования на современной аппаратуре. Началось мучительное ожидание заключения. Самое тяжелое время. Нет никакого лечения, кроме вечернего градусника от дежурной медсестры или медбрата. А вокруг — больные с разными стадиями заболевания. Это угнетало больше всего. Окончательно добила психику героя история мужчины с раком лёгкого, рассказанная в курилке. Он спросил у доктора: «Нужно ли мне бросать курить?». Врач ответил: «Можешь курить, бросишь, когдаотрежем одно лёгкое». А если вырежут простату? Холодок прошел по спине. На бороде появилось ещё больше седых волос.

Настало время «Ч». Врач пригласил. Нет, не в кабинет, а в коридор. Соседям по палате уже было выдано назначение. Кому-то химиотерапия, кому-то операция назначена на определенный день. Иных уже привезли после операции, и они отходили от произошедшего. Что скажет врач? Ситуация стрессовая. С другой стороны, я уже нажил детей и даже десять внуков. Четверо под моей фамилией — род продолжит свое существование. Да, и бабушка моя не станет на меня ругаться больше. У врача в руках ценная или важная бумага. Вот он — момент истины. Врач улыбается и говорит, что диагноз не подтвердился. Шок!

Онкоцентр отнял все силы и время осенью. Зимой в райцентре врач-уролог, молоденькой мальчишка, сказал, что результаты анализов крови лучше. Несмертельный диагноз принять легче! Осталось бросить вредные привычки и жить дальше. Но произошел сбой. Что-то изменилось. И краски вроде бы те же, и воздух не стал свежее, но что-то невидимое сдвинулось. А тут еще так совпало, что дети попросили рассказать о себе, о дедушках и бабушках.

Так и настало 28 февраля, когда на одной литературной платформе был опубликован первый рассказ. Дальше — больше. Вот уже дед — номинант нескольких конкурсов. А одно

издательство написало краткую и сухую рецензию: «Работа представляет литературную ценность и может быть опубликована».

Эх, не пришлось бы низко падать при таком резком взлете!

Рассказы

Фёкла

Шел четвертый год войны. Фекла Михайловна брела со станции неспешным и сбивчивым шагом. Слез уже не было, казалось, что выплакала всё без остатка. А в голове путались разные мысли. Да, теперь она вдова, хотя и похоронку с фронта не получала, как все бабы деревенские. Но всё же грудь жгла казенная бумага с круглой печатью о том, что её муж Лобанов Василий Петрович помер.

На фронт Васю не взяли. Не годен он был, как сказали, к строевой службе. И ростом мал, и здоровьем слаб. Сказывала как-то свекровь, что в детстве еле выжил. А его брат-близнец покинул этот мир сразу после родов. И даже не успели окрестить дитятку.

И жених Василий был незавидный. Замуж Фёкла пошла за него только из-за того, чтоб не остаться в старых девах. К 23 годам все её подруги уже были выданы замуж, и нарожали малышей.

Красивая она была, ладная и по хозяйству хорошо управлялась. Спасибо за всё маме — Марии Сидоровне. Но приданого за ней не было. У батьки да мамки Фёкла уродилась не одна. Шестеро ртов, и все девки — батьке не помощники. Эх, что там говорить! Самые бедные они были в округе. Видно, не зря фамилию носили Бессоловы.

Так и оказалась она в чужой деревне. Жениха разглядела только на свадьбе. Ростом он был не выше невесты. Только потом Фекла узнала, что в сапогах находились подкладки для роста. Бабы говорили: «туфли внутри сапог». Но это они брехали.

Мужа она своего любила. Дружно жили. Не перечила Васе никогда. И детишек нарожать успели шестерых. Вернее, выжили столько.

У Петра Наумовича, свекра ее, и свекровушки Анастасии Артемьевной было крепкое хозяйство. И лошади, и коровы, и даже пчелы. Трудолюбивые они были. Всего своим трудом добывались Лобановы, и людей не нанимали на них работать. Потому и не раскулачили их. Да, и в колхоз вступили одни из первых, а Петра сразу поставили бригадиром.

Даже зимой её новые родители находили работу по дому. А бывало и в город ходил свекр на шабашку. Многому её научила и свекровь. Мудрая была женщина. «До смерти ее не забуду», — думала Фёкла. Слова мамы Василия, сказанные ей на ушко, навсегда остались в памяти: «Барыня — это жена барина». А уж вслух вырывалось: «Дай бог им обоим доброго здоровья и многая лета! Благодаря их помощи мы новый дом поставили». За зиму молодые сруб сложили. А следующую уже зимовали отдельно.

Это не родители Феклы, которые всю зиму играли в карты. Никогда она не понимала, что это за игра такая «сека»? Стыдно за них. В особенности стыдно было и за щербатый порог, на котором дрова рубили зимой прямо в избе, чтобы печь протопить. Вот, у Петра Наумовича дома всё ладно и красиво. И она в замужестве стремилась делать так, как говорил Вася.

Долгое время держали корову — кормилицу. Но пала Зорька в 1932 году, аккурат весной, когда была съедена прошлогодняя солома с крыши сарая. Сезон выдался такой неурожайный, что люди пухли с голоду. Каждый день, или почти каждый день, были слезы в деревне. А погост разрастался и разрастался. Казалось, что живых уже меньше в деревне, чем в сырой земле за околицей.

И все же сколько было у них счастливых дней! Взять хотя бы появление первенца Володи. Это ли не счастье?!!! Ведь помощник отцу родился. Девки они что? Выкорми их, а они фамилию сменяют. «Эх, Володя! Володя! Касатик мой! Поди, не сладко ему сейчас», — думала Фекла.

Вот ведь, окаянный, что удумал: годков прибавил в комиссариате. «Хочу», — говорит, «фашистов бить». Тихий-то тихий, но упрямый, как отец. Что удумает — всего добьется.

И ещё она до сих пор вспоминает с улыбкой, как её сын Толя ел мед ложкой у деда на пчельнике и плакал оттого, что дед заставил ложку держать правой рукой. И затих только тогда, когда разрешили ложку взять в привычную левую руку. А как сама втихую мед ела, хотя он всегда был на столе? Ложку по пути зацепить. Долго не могла наесться. Сейчас смешным это кажется.

В голове до сих пор звучали слова фельдшера: «Фёкла Михайловна, мы похороним Вашего мужа за счёт государства. Ступайте к своим детишкам. Вы им нужнее сейчас». Какой уважительный дядька! Никто её в деревне по имени и отчеству не величал.

И прав был медик. Надо идти к детям и думать о них. «Как там мои ребятишки»? Прошло уже два дня и две ночи, как они одни остались на хозяйстве.

Жалела женщина только о том, что опоздала. Не успела проститься. Когда она зашла в эту холодную комнату, где лежал её Василий, и упала ему на грудь, рука почувствовала, что он был теплый, и Фёкле показалась, что он живой. «Вася! Милый мой вставай! Я приехала...» — запричитала она. Но Василий Петрович уже не дышал и глаза не открыл. Душа его тело уже покинула и наблюдала эту трагическую сцену где-то сверху.

И вот идет вдова со станции этим утром и думает о старшем Володе, который ушел добровольно на фронт бить немцев, и о малых, которые ей ещё не помощники. Правда старшая Маша, которой было уже одиннадцать, работала в колхозе в бригаде и зарабатывала трудодни. Толе было девять лет. И он теперь остался за мужика в семье. Маленький был мальчуган от недоедания, худенький и плохо рос. Не зря кликали его татары «Белекей», что по-нашему значит «малыш». Но помощник во всем. Сегодня Анатолий пас табун коров односельчан. И это было хорошо потому, что он был сыт. Работал за еду, как говорится. По очереди его кормили сельчане утром и вечером. А некоторые и с собой давали: кто хлеба кусок, кто пару картошек, которые ребенок чаще всего приносил сестре Любе, братьям Михаилу и Николаю. И говорил, озорник этакий, что лисичку в лесу встретил, и это от нее гостинец. Правда Николай мог только титьку сосать. А молоко пропало у Фёклы на третий день. А с чего оно будет? С кваса? Коровы своей у них не было. Приходилось жевать ржаной хлебушек и через тряпку давать малышу сосать обманку. И ещё она вспомнила, как Толя ходил на базар лапти продавать. А на вырученные деньги купил фунт пряников. И ведь мужик он, а не «Белекей»: ни одного пряника по дороге не съел.

Холодное было утро, но день солнечный. Десять километров лесом от станции Тюкунь через Кордон до Адвокатовки. Дорога знакомая. Хорошо, что лапти и обмотки просушила она ночью у сестры Дуси, что жила на станции. Там-то она и выплакала все слезы.

Сейчас голова забита уже другими мыслями: Анатолий второй год бросает школу. Нет, табун он пас только летом. Причина была другая: снег выпал и ногам стало зябко. А школа была только в Липовке, в соседней деревне. Его снова записали в первый класс. И снова ему дорога на печку. А парень то смысленный. Буквы и счёт он выучил ещё в прошлом году. И читать умел. Письма, которые приходили от Володеньки с фронта, он перечитывал ей по нескольку раз. Опять слезы подкатили к глазам.

Но вот и кордон. Слава Богу, липовой коры припасли много в этом году, полная запруда. План по заготовке мочала будет выполнен. И норма по сдаче ржи в колхоз обеспечена. На трудодни только выдали меньше фунта за день. Нет, не хватит на зиму. Снова будем мороженую картошку по весне на пашне собирать и тюрю варить. Осенью то нельзя — могут посадить за кражу с колхозного поля. А те две курицы, что в сарае, столько ртов не прокормит. Да с них ещё и налог заплатить. С каждого клюва 100 яиц в год. Немыслимое дело!

Мысли снова путались. И когда же эта проклятая война закончится? Который год от немца покоя нет. Вот и мужа забрала трудармия. А думала, что беда минует её избу. И слезы снова подступили...

«Нет, нельзя мне плакать. Надо сильной быть. Дети на мне. Мой то бабий век закончился... 42 года уже. Не молодая. Бабий век, говорят, сорок лет. А как жить дальше? Надо сначала дров во двор завезти. Лошади своей нет. В колхозе остались только хромые да старые. На них и пахать то боязно. Могут околеть от тяжелой работы. Всех здоровых забрали на фронт. Опять бабы в соху впрягутся, и друг на дружке будут пахать. Завтра отправлю детей в лес на санках. Справятся. Все так делают. Уже большие. Лапти Толик уже всем новые сплел. Как он ловко кочедыком управляет. Фекла так не сможет. Да, что там лапти?! А какой он рожок пастуший смастерил из коровьего рога и гусиного пера без инструментов, одним ножом. Любо дорого было смотреть, как коровы, телки и башмаки шли под музыку за этим важным пастухом. Машу да Толю отправлю. Решено».

Так и дошла до околицы. А вон (по левую руку) и виднелась крыша её дома. Из трубы шел дым. Молодцы дети! Сами растопили печь. Обычно Фекла, чтобы разжечь огонь, посылала Толю за угольком к тем, у кого уже коптил дымоход. А здесь они сами сообразили.

«Ладно. Надо дальше жить. Дети подрастают. Я с ними не пропаду и им пропасть не дам. Сейчас обрадую тюрей из белой муки, что выменяла на лапти. И откуда барышники берут такую муку? У нас в колхозе только рожь сеют».

Фекла Михайловна услышала плач младшего и ускорила шаг.

Фёкла и ее старшие сыновья

«Вовка Лобанов вернулся!» — кричали мальчишки, пробегая по деревне. Это средство связи работало более оперативно, чем сарафанное радио.

«Тетка Фёкла, Ваш сын идёт домой в форме и с медалью! Хромат немного. Я сам видел!» — голосил соседский мальчишка Гришка Артемьев. «Ну, ты чего уселась? Побегли встречать!» — не унимался пострел.

Фёкла Михайловна услышала эту радостную весть, и её покинули силы. Она привалилась к плетню, который предательски стал заваливаться, у нее подкосились ноги. Из правой руки у неё вывалился серп, а из левой срезанная лебеда. Всё смешались у нее в голове.

«Ноги целые — хорошо. А руки? Чем же накормить сына? Когда же Анатолий починит плетень? Эти колья уже сгнили. А новые уже, наверное, почернели и готовы. Лес рубить запрещено. Только хворост и валежник. А вот колья надо покупать в лесничестве, если есть на что, или приходилось изловчаться — тихонько приносить и „чернить“ в земле. Выглядеть будут как старые, зато будут прочные, и в сельсовет не пригласят с вопросом: откуда взяли лес? Слава богу, Володя живой! Вот, вместе братья и починят плетень на задах. И когда же эта проклятая война закончится?»

Прошло время. Володя хромать перестал. Молодость взяла свое. На груди остался только розовый рубец после операции, которую сделали в военном госпитале. Травки да припарки помогли. А вот пальцы на правой руке не отрастали. Потому что они не могли расти. Это же не волосы. Остались только указательный и большой. И пока эти два пальца плохо справлялись за пятерых. А вот худоба была ещё пуще прежней. До фронта он выглядел гораздо лучше.

Фёкла уложила всех спать и думы одолевали её: «Опять дети полуголодные легли. А чем их кормить такую прорву — шесть ртов? Володя ещё не мог работать в колхозе, а если и начнет, то трудодни-палочки в ведомости есть не будешь. И когда их выдадут в натуральном виде, и в каком объеме? План бы выполнить! Хотя хлеба хорошие стоят. Урожай нонче будет. Сперва для фронта подводы уйдут. Потом уже в колхозный амбар будем засыпать. И что там бухгалтер насчитает? Ещё и на посев надо оставить крепкое зерно. На семя. И после того уж по дворам разделят. Ему бы хорошее питание как у Додоновых. Вот, интересный разговор был намерении с Додониной. Она будто бы сватала, намекая на Володю. Да, да, так и есть. А что? Дуська давно перезрела. Товар надо вовремя было сбывать. Давно было пора этой старой девке замуж выйти. До войны нос воротила. Все побогаче жениха искала. А сейчас мужиков не стало в деревне. Да, и старше она Володьки моего. А с другой стороны, там ему будет и питание хорошее и в их доме места хватит. Надо завтра поговорить с сыном об этом. Додоновы же сами сватать не придут.

Интересно, поговорил ли он с Анатолием за курево? Ещё и 13 лет нет, а всё туда же! И кисет где он нашел? Ой, вот я какая не внимательная! Они же вчера за амбаром вдвоем стояли и курили оба. Так и есть! Два дня от Толи запаха не было, а сегодня я учуяла этот табачище. И зачем мужики его курят? Теперь понятно. Володя слабохарактерный. Своего табака нет. Так они вчера мировую курили Толиным самосадам. Нашли общий язык. Вот оканные!»

Прошло два месяца. Работа в колхозе отнимала все силы и время. Вчера она впервые увидела своего старшего сыночка поле сватовства. Свататься они ходили вдвоем. Сговорились сразу. На завтра молодые пойдут в сельсовет подать заявление. А Володя сегодня же остаётся жить у сватов. Про венчание и разговор не вели. Больше говорили о колхозных делах и о том, когда эта проклятая война закончится. Выпили чекушку бражки со свахой и ее свекром, и домой она ушла одна. Сын получается в снохи пошел. Ну, и пусть. Зато сыт будет, не помрет. Вон какое хозяйство у них! И корова в сарае, и птица! А огород засажен и свеклой, и морковью, и капустой, и луком, и своей картошкой. А какой чеснок у них?! Всем на зависть! И репа крупная.

Владимир подошел и поздоровался. Фёкла обрадовалась свиданию с сыном, но его настроение ей не понравилось, и выглядел он больным, измученным. Бабы говорили ей, что Дадоновы держат его за батрака и не кормят досыта, а работу дают самую черную и самую тяжелую. Якобы, держат на хлебе и воде.

Мужики на конюшне подговорили Володю сказать свое веское мужское слово, и вот он решительно шел домой. Только, чем ближе к дому подходил, тем тише и осторожнее был его шаг, а уверенность куда-то исчезала. Тихоней он всегда был, никогда даже голос не повышал. Любила Фекла его больше всех. Нет, скорее жалела. Любимчик был у неё Анатолий.

И вот всё думала мать, что брешут люди из зависти. А сходить в гости и посмотреть она не смела. До свадьбы-то не общались. Додоновы всегда смотрели на них свысока, а сейчас, когда сын жил у них, робости стало больше.

И вот увидела она все своими глазами. Нет, он не жаловался. Но сердце матери почуяло беду. Она шла домой и её желание забрать домой первенца переросло в окончательное решение. «Завтра с Анатолием, когда тот пригонит табун, они пойдут и приведут старшего в родной дом!».

За Толю она была спокойна. Несмотря на разницу в семь лет, тот был самостоятельным. За него меньше переживала. Он себя мог прокормить, работая пастухом на ферме. Его и доярки молоком подкармливали, надеясь на какие-то отношения с ним. Он об этом рассказывал смущаясь. Эх, бабы, бабы! И что они хотят с малого? Ясно, что женская природа требует любить, но мал он ещё! Хотя был основным кормильцем в семье. И в колхозе он трудней зарабатывал больше неё. И лапти плел на продажу. Даже на базар не надо было идти торговать. Татары из соседней деревни и те приходили на дом к нему, и заказывали нужный размер. Они немного по-другому плели и пятка у них была неказистая, а самое главное неудобная. Толя плел лапти «по-лобановски», красивые и прочные. Когда он успевал этим заниматься, находясь с табуном?

От младших пока помощи не было. Особенно от девок. Следили друг за другом, и за младшими Мишей и Колей. И то хорошо. Предстоящая зима должна быть добрее. И урожай должен быть лучше, и дети подросли. Стали смышленнее. Да и немца погнали. Ох, говорят, как погнали! Уже шел четвертый год войны. Научились наши мужики воевать. Скорее бы уж победа!

Послесловие

Владимир Васильевич в конечном итоге сошёлся с женщиной немного старше его, у которой был дом и двое детей. Брак они не оформляли, чтобы вдова участника войны получала пособие. Нажили двоих совместных детей, которые и настояли на оформлении законного брака незадолго до смерти матери, чью фамилию оба и носили. А еще Володя получил третью группу инвалидности и ежегодно проходил ВТЭК. Приходилось показывать врачам, что пальцы за истекший период не выросли. Убедившись в чем, врачи подтверждали законность 3 группы.

Анатолий Васильевич в армии освоил профессию шофера. Женился на молоденькой девушке. Построил дом и дал жизнь дочери и двоим сыновьям. Разумеется, и дерево посадил. И не одно. Каждую весну яблони радовали белым цветом. И десять внуков ели сладкие яблоки. Всем хватало!

Политзанятие

Лобанову Анатолию повезло. Служил он в группе Советский войск в Германии. Нравилось ему там. Особенно поражали дороги — встречные полосы разделялись саженцами груш и яблок. Иногда, возвращаясь со стрельбища, машина останавливалась, и солдаты высыпали из машины. Плоды деревьев были незрелые, но казались вкусными. Красиво было и в городе. И хоть в увольнение ходили редко и группами, но кое-что разглядел. Шел четвертый год его службы...

А дома всегда лучше. И Анатолий скучал по своей деревне. Немного осталось до демобилизации. О чем он не спешил думать. Ну, вот вернется Лобанов в родной колхоз «Светлый путь», и другого пути не будет, как новый кнут свить. И путь-дорожка ему вокруг деревни сзади табуна коров с утра до ночи. То есть пока светло. А чем ещё заниматься? Образования нет, специальности нет. Да, ходил он в школу две осени. И оба раза в первый класс. До первого снега. Отсидит в плохоотапливаемом классе уроки, снег на лаптях и обмотках растает. Но не высохнет. Отчего ноги, когда шел из школы, мерзли ещё больше. Домой бегом бежал, чтобы ноги не обморозить. Залезал на печку и долго не мог согреться. Так и пришлось бросить эту науку. Читать, писать, считать научился. И всё. А это было не мало в те годы. И потому в военном билете написали в графе образование — «4 класса». Правда, на специалиста его отправляли из колхоза учиться в ФЗО на каменщика. Но фабрично-заводское обучение не понравилось Толику из-за плохого питания, вшей в общежитии и постоянных поборов городскими ребятами. И он сбежал, за что отсидел полтора месяца в райцентре, в тюрьме, хотя суд присудил полгода. С тех пор он стал счастливым обладателем воровских наколок. После «амнистии» вернулся в колхоз. И никто, нигде и никогда об этом не вспоминал.

А вот, где равных Анатолию не было во всей деревне: лучше всех он умел плести. Нет, не языком. И не корзины из ивы. И даже не лапти. Хотя он и на это мастер. Или плетень, на которую тень наводят некоторые его командиры. А плел он лучше всех кнуты из мочала. Тут сноровка нужна особая. Верёвку в три жилы любой мог сплести. А кнут надо в четыре. Да с постоянным уменьшением в толщине от рукояти. И длина должна быть не менее четырех метров. А лучше все шесть. Корова ближе не подпустит. Да и щелчок не получится. Сколько кнутов Толя свил? Именно свил. Это лапти да плетни плетут. Не перечесать. С девяти лет он был пастухом. Сначала частных коров пас за еду. В каждом дворе поочередно его кормили утром и вечером. А потом колхозных пас за трудодни. Некоторые доярки подкармливали молочком. Напьется, бывало, живот полный, а кушать всё равно хочется. Денег не видел. Если удавалось лапти продать, то деньги уходили там же на ярмарке на что-то очень нужное.

И вот вчерашний пастух — нынче отличный солдат. Намедни на полигоне Анатолий вновь отстрелял на «Отлично». За что ему объявили отпуск на родину. Лобанов был горд этим. Ему давно доверили пулемет. Это же не винтовка, из которой гораздо легче уложится в нормативы. И он не подводил своих командиров. Но зачем ему отпуск? Съездить и расстроится. Мать в последнем письме написала, что на трудодни в этом году выдали всего фунт хлеба. Письмо было в кармане. Оно одновременно и грело теплом матери и жгло сердце этой новостью. А в фунте, известно, всего 400 граммов. Это очень мало. Война закончилась, уже скоро одиннадцать лет минет с победного мая 1945 года. Опять мамка с братьями и сестрами голодать будут. И мужика в доме нет. Батя помер в трудармии в 1944 году, после чего его деревенские дразнили «безотцовщина». И Толик ничем помочь не может самому близкому человеку.

Вот, если бы на танкиста выучиться или на шофера, то он был бы в колхозе уважаемым человеком. Так размышлял Анатолий. И был прав. Трактористы, да шофера в почете. О чем он и попросил своего взводного. Тот твердо обещал решить вопрос положительно. Пусть заменят «отпуск на малую родину» обучением специальности. И рядовой Лобанов верил своему стар-

шему лейтенанту Тарасову. Более того они были ровесники и были «на одной волне». Анатолия призвали поздно, очень поздно. Он и думать уже перестал о призыве на службу в Красную Армию. Видно, солдат хватало. Не всех же сразу после войны демобилизовали. И участок был важный — Германия, о чем им на политзанятиях постоянно напоминали.

А сейчас рядовой Лобанов сидел в пустой казарме. Потому, что вся рота ушла в столовую. А он объявил голодовку. Нет, не из-за того случая в карауле, когда он открыл стрельбу, якобы как «паникер», охраняя мост через реку Одер во Франкфурте на Майне (аккурат на границе с Польшей). Да, он стрелял из автомата. Но действовал строго по уставу. И окликнул, как положено, и сделал предупредительный выстрел вверх. Только потом на звук выстрелил в полной темноте. Конечно, караул подняли в ружье. Сняли его с поста. И только утром, когда рассветало, был обнаружен в трехстах метрах от того места, куда он стрелял дикий кабан, истекающий кровью. В итоге «паникер» получил очередную благодарность с занесением в личное дело.

А голодовку он объявил перед всем подразделением. Солдат не поел — это чрезвычайное происшествие! А тут голодовка! А все произошло на политзанятиях, когда замполит очередной раз начал рассказывать, что жить стало лучше, что жить стало веселее. Обычная пропаганда — ничем не подкрепленная. Но когда замполит майор Григорьев сказал, что в этом году колхозникам выдавали минимум по 800 граммов за трудодень (а в более богатых колхозах и по килограмму), тут Анатолий не сдержался: «Товарищ майор, разрешите вопрос?». Он зачитал письмо от мамы из далёкой, но такой близкой Адвокатовки Кармаскалинского района Башкирской АССР, и протянул письмо товарищу майору под одобрительный шепот товарищей...

Лобанов зашёл в ленинскую комнату. Здесь все было по-прежнему, как и в первые дни его службы. И портрет вождя на лицевой стене, и статья Конституции о священном долге. Газеты и журналы в стопках, аккуратно подшитые. До сих пор висел «Боевой листок», в котором были отмечены успехи взвода Анатолия по стрелковому делу. На столах стояли шахматы. Когда-то они казались ему диковинкой. Но спустя некоторое время он не только выучил ходы, но однажды даже обыграл своего сержанта.

Фигуры на доске были расставлены в исходные позиции и готовы к бою. Он сел за стол и сделал ход: «Е2 — Е4».

Раида

Она родилась 9 февраля 1939 года в деревне Липовка. Девочка получила редкое и очень красивое имя — «Раида». Однако, когда малютка подросла и начала общаться с другими детишками, то имя это стало ей ненавистно. Толи просто не нравилось, толи из-за усмешек подружек. А почему собственно «Раида»? В честь святого какого или в сельсовете ошибочно записали? Грамотных-то было мало. «Ну Раида, так Раида», — думала она. «Вот паспорт буду получать и сменю имя». Дело поправимое.

И все же это не самое сложное, что было в её жизни. Два годика минуло девочке, когда началась война. Раида помнила своего отца Василия только со слов мамы. С фотографии он глядел на неё в форме летчика, в будёновке, и улыбался. Вот какой был её «тятяка», как звала его в первые годы жизни. Не слышала слез мамы Лизы или ничего не поняла, когда та получила похоронку и оплакивала мужа.

Жили вдвоем в просторной избе. Корова давала молоко, куры несли яйца. Сад-огород кормил овощами. Но что-то изменилось в повседневном укладе. А что не так? Ничего малышка сначала не понимала.

Прошло некоторое время, и появился у неё новый «тятяка». Добрый такой, волосы ей расчешет, и косички заплетет, и бантики не забудет в косички вплести. А когда с ярмарки придет, то обязательно привезет сладости разные: то пряники, то леденцы в форме рыбки или петушка. А в другой раз и настоящие конфеты в бумажки завернутые. Вкусные!

Одно пугало ребенка: у него вместо одной ноги был самодельный костыль. И она каждый вечер пугалась грохота этого чурбака, когда Петр снимал его и ложился на кровать. Ну никак отчим не мог положить аккуратно. Невозможно было заставить эту деревянную ногу не шуметь.

А действительно хуже стало, когда у нее появилась сестрénка Валя. Все крутилось вокруг этого вечно орущего ребенка. Не до Раиды стало не только её новому «тятяки», но и маме. Иной раз и косички девочке никто не заплетал. Говорили в два голоса родители: «Ты уже большая, пора самой и умываться, и причесываться». И казалось, что на ярмарку перестали ездить. А она так любила конфеты.

Шли годы, Раида подрастала. Подрастало и количество деток в избе. Ещё пятеро сидели с ложками за столом. Няней стала падчерица, и со своей ролью она справлялась неплохо.

Война закончилась, но жить не стало легче. Раида старалась во всем помогать родителям. Летом даже в бригаду ходила работать, чтоб маме палочки поставили за отработанные дни.

Девять классов Раида закончила на «отлично». Хотя, только вот немецкий язык был «четыре». И не из-за того, что он был трудный, или ученица ненависть испытывала к фашистам. Нет. Просто учитель говорил, что и сам не знает его «на пять». А потому оценивал учеников по четырехбалльной шкале.

В избе чувствовалось напряжение. Словно перед грозой. И однажды ей объявили, что будет Раида учиться в городе. И жить там — у маминой младшей сестры Насти. А на каникулы приезжать домой. Тяжелее всего разлуку переживали малыши. Плохо им было без няни. Один был плюс в учебе на новом месте — немецкий язык она подтянула до настоящей твердой четверки. Тут уже работала пятибалльная система. Летом она жила в деревне, но чувствовала себя посторонней в доме. Так же трудодни маме зарабатывала в колхозе.

А в паспорте у неё теперь красовалось имя «Раиса». Ошнурова Раиса Васильевна. Важное изменение. Школу она так закончила — как «Раиса». Да, имя было другое. Отчим говорил, что пора бы поменять еще и фамилию. Пора, пора. И без неё пять ртов.

Корову падчерица уже подоила. Ведро с молоком занесла в дом. На столе в чугунке стояла картошка из печи. От нее шел пар. В сковородке слегка поджаренное сало плавало в соб-

ственном жире. Сели за стол. Хозяин стал резать каравай. Всё как положено — хлеб в доме должен резать мужчина. Настало время вечерить. Но поведение родителей её настораживало. Они переглядывались. А до этого шептались за шторкой. Мимо окна прошел гармонист, перебирая лады. Девичьи голоса подпевали гармонике модную песню из кинофильма «Весна на заречной улице». Скоро и Варя зайдет за ней. Надо отпроситься на танцы, пока подруга не зашла. Она посмотрела на Петра, мужа матери. Такой же рыжий с редкими волосами на голове. Только старше стал немного. Он внимательно глядел на неё. Мама глаза опустила в пол.

— Отец, — нарушила тишину девушка. «Можно я...».

— Нет!, — перебил ее Петр. «Отгуляла свое девонька. Никуда сегодня и отныне не пойдешь! Я тебя пропил в обед в кузнице. Будем готовиться к свадьбе».

— А за кого? — от страха прошептала Рая.

— За Тольку Лобанова, — был короткий и не предполагавший возражений ответ. На этом разговор закончился. Младшие усердно работали деревянными ложками, а мать втихую смахивала с глаз слезинки.

В голове у Раи закружился целый рой мыслей: «Неужели это тот солдат, который пришел недавно с армии? Она и видела его вчера первый раз. Толик сказал ей только два слова. Первое, что „бойко отплясывала“. И ещё спросил, чья я такая красавица? Так он же на девять лет старше меня! (Так Варя сказала). И мы не знакомы совсем. Ну, разве так бывает? Прошли же царские времена! И...».

Но спорить с отчимом было бесполезно. Аргумент был жёсткий: он её уже пропил. «Видно, судьба моя такая». Настало время менять и фамилию. Слезы хлынули из глаз, а за окном девчата пели: «Зачем? Зачем на белом свете есть безответная любовь?»...

Свадьба

1950 год. 7 ноября. Сегодня будет праздничная демонстрация, а потом, как установилось за многие годы, народные гуляния. Только вот Надя планировала просто отоспаться после ночной смены. Она миновала проходную сахарного завода и столкнулась с Борисом. Он улыбался ей, но глаза были серьезные. Что задумал этот «рубаха-парень»? Густые черные и кудрявые волосы весело торчали из-под фуражки. Не хватало только той гармонии, с которой она его увидела впервые. Красивый парень, разговорчивый, за что его и любили девчата.

На танцах всегда две-три девушки не отходили от Бориса. А ещё и эта гармонь сводила всех с ума. Наде он тоже глянулся. И этот волшебный музыкальный инструмент трогал девичью душу. А как она любила петь! Нет, под эту гармонь она пела только однажды. Рядом с Борей всегда были бойкие певуны. Куда ей до них! Да и от мамы она выучила только грустные песни о тяжёлой женской доле.

Борис без предисловий и говорит:

— Айда к нам!

— Зачем? — спросила девушка, и справа у заводского забора увидела его старшего брата Андрея и товарища Диму.

— Они ждут тебя, — неуверенно промолвил Борис.

Ребята затоптали папиросы, и начался разговор. Три парня и одна девушка негромко беседовали. Вначале было не очень понятно, что от нее хотели. Было похоже на сватовство. Но, за кого из этих троих девица должна выйти замуж — Надя не понимала.

И тогда Борис прямо сказал: «Выходи замуж за меня!».

А у Нади уже был готов ответ: «У меня есть мать!».

На что сваты хором ответили: «Ну, ладно. Мы к матери пойдем».

Отца Надя плохо помнила. Он ушел на фронт ещё на финскую, в 1939 году. И с тех пор ее мама — Наталья Дмитриевна — была, как в той песне: «я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик». Тяжело было выживать в голодные военные годы. Как она говорила: «пришла беда — отворяй ворота!». Вначале похоронка пришла на мужа — Илью Матвеева. Затем мать, когда на сносях была, под телегу попала, отчего младшая сестрѐнка родилась незрячая. Потом дом сгорел. Небольшой домик то был, но места всем хватало.

Ох, и помыкалась Наталия Матвеева с девчатами! Ходили по деревням и Христа ради просили. Редко кто калитку открывал и выносил подаяние. И вот, когда девочки стали пухнуть от голода, мама усадила Машу, Пашу и Нюру на крыльцо детского дома. Девочкам наказала сидеть здесь и ждать ее прихода. Постучала в дверь, взяла Надю крепко за руку и пошла прочь не оглядываясь. Иначе бы никто не выжил.

Закончилась война. Жизнь стала налаживается. Наталья нашла и забрала из детского дома своих родненьких, маленьких, ненаглядных. Нюру определили в общество слепых в Стерлитамаке, где её обучали грамоте по системе Брайля, далив общежитии койку, кормили. Наталья её часто навещала. Маша же отучилась в ФЗО на маляра и работала в Уфе по специальности. Паша выскочила замуж и уехала со своим мужем в город Ишимбай.

Осталась Надя с мамой вдвоем. Мама ее и шить научила и вязать. Вот тогда они и пели вечерами. Одно плохо: хворала Наталия часто. И ждала, когда Надя выйдет замуж. Уж больно она хотела её детей понянчить. Да, и девушка была не против такого плана.

Надя быстрым шагом, а где и бегом добралась до нужной улицы.

Вот и домик оказался, где они проживали. Дёшево они его купили, почти за даром. Зимой только он не грел, сколько его не топи. Сахарный завод, на котором Надя работала слесарем, эвакуировали из Украины во время войны — зимой 1942 года. Оборудование привезли, а жилье для рабочих строили из чего придется. Времянки получились. Седьмой год пошел,

как окончилась война. Другие домики и бараки снесли или они сами развалились, а их так называемая избушка, ещё стояла.

Надя, переступив порог, объявила матери: «Сваты идут!».

Мать всхлипнула и обняла дочь. Надя успела полы помыть. А делов-то! Избёнка то маленькая. Так называемая «без пяти минут невеста» уже одевала другое платье, когда в дверь постучали. Она спряталась за шторку. Входят Андрей, Дима и сзади, прячась за спины старших товарищей, жених.

Разговор не состоялся. Надя хорошо расслышала диалог матери и Бориса:

— А ты чё без матери пришёл?

— А чё надо штоль?

— Иди за матерью!

Жених побежал за матерью. А сваты вышли на улицу курить. Четыре километра — в путь недолгий. Но все ждали. Пришла мать Бориса — Анна Шестакова. Разговор пошёл легко. Засватали бабы Надю за Бориса. Сделали вдовы мужскую работу. Невеста уже сидела за столом опустив глаза на свои руки, щеки были красные от пережитого. А свахи спорили: будут ли венчаться молодые? Одна говорила, что не надо: «Мои все сыновья невенчаные живут!», Анна стояла на своем: «Венчаться надо!». Борис дал слово, что обвенчаются. На том и порешили.

Утром 15 ноября Надя вышла из проходной. Закончилась ночная смена. Боря ждал тут же. Они молча пошли в сельсовет. Борис впереди, а Надя семенила сзади. Регистрация брака прошла быстро и по-деловому, после чего муж проводил жену до дома... Так была создана очередная ячейка социалистического общества.

Перед богом супругами они стали 21 ноября того же года. Начиналось все так же буднично, но само таинство было дольше и торжественнее. Ночная смена, Борис (всё ещё жених?) у проходной, дорога до церкви. Храм был на другом берегу реки Белой. Да, аж в двадцати верстах от берега реки в деревне Ирныкши...

Зима приближалась основательно, и водная гладь покрылась «салом». Зябко было на влажном речном воздухе. Лодку встречали родственники Нади. Двоюродная сестра Анны с мужем — чета Балабановых, у которых они и заночевали. Утром пошли в церковь. Сначала дождались, когда отпоют покойников. Жених и невеста все ещё стояли отдельно. Да так далеко, что гроб с маленьким ребенком, которого отпели, пронесли к двери между ними. Потом прошло венчание. Венцы отличались от венцов других пар, которые пришли не сразу к этому решению — у некоторых пар были уже дети. Венцы же у наших молодых были яркие, потому что они ещё не жили вместе. После венчания отправились в обратный путь.

На свадьбе гостей было немного. Василий да Лиза Балабановы, братья жениха Андрей, Гена и Толя, а еще друг Дима. Выпили банку бражки. Песни попели. Да разошлись.

Утром Надя пошла на работу в дневную смену. А Борис поехал на лошади вместе с Василием за приданым невесты. Погрузили сундук на телегу и в обратный путь. По приезду обнаружили на столе бутылку бражки. Как ни тяжело было, но осилили Борис с Василием и эту бутылочку. Вот и вся гулянка.

Борису регистрация брака обошлась недорого. Полтора рубля. Это по-божески. А вот венчание оказалось грабежом. Целых три рубля пришлось отдать. Но жили они долго. Надя рожала, как и ее мама, только девочек (троих). По-другому в роду Матвеевых женщины не умели.

Я даже у Бориса Ивановича и Надежды Ильиничны Шестаковых на золотой свадьбе был. Мед, пиво пил... Но это уже совсем другая история.

Звонок папе

Рая зашла в дом и поставила ведро с молоком у входа. Она щелкнула выключателем, и лампочка Ильича ярко вспыхнула, осветив кухню. Впрочем, это пространство между русской печью и углом дома сложно было назвать кухней. Почти всё место занимал самодельный кухонный стол, и всей семье с трудом удавалось уместиться за ужином. Если нужно было достать ухватом чугунок со щами из печи или свежий каравай хлеба широкой кочергой на деревянном черенке, приходилось убирать в сторону табурет — иначе не подступиться.

Молоко хозяйка переставила на широкую лавку и прикрыла старым, но чистым платком. Затем она прошла в зал и включила свет там. Лампочка над новым круглым столом оказалась немного ярче: она осветила всю маленькую избушку, к которой Толя сделать пристрой, чтобы вышел пятистенок. На улицу выходили два окна: летом они распахивались настежь, а зимой в проёмы вставляли вторые глухие рамы. Между окнами и располагался выключатель. Ей нравилось, как аккуратно электрик закрепил провода в резиновой оплётке на фарфоровых изоляторах, немного похожих на матрёшек. Как красиво и ровно смотрелись они, свитые в жгут! И как мастер предусмотрительно прикрепил выключатель высоко, чтобы дети не могли дотянуться.

Справа от окон, в переднем углу под иконой, стоял небольшой самодельный столик. Далее вдоль другой стены, за окном с форточкой, располагалась детская кровать — обычно на ней спала дочка. Рядом стоял стул. А дальше стояла железная двуспальная супружеская кровать. Она не помещалась вдоль стены и стояла поперёк детской. Между большой кроватью и входной дверью как раз оставалось место для гвоздей, на которых висели полушубок мужа и ватные штаны. На полу стояли валенки. Она всё-всё приготовила: выстирала, вычистила и просушила вещи — и теперь ждала дня, когда приедет муж.

Напротив детской кровати за круглым столом стоял шифоньер, придвинутый вплотную к печке. За ним стояла койка, на которой спали оба сына вдвоём. Проход был узкий, только бочком, но там был тупик, и взрослые туда не ходили. «Ходоками» были только её хулиганы. Там было удобно залезать на печь, а потом спрыгивать с неё прямо на койку — это было их главной забавой. На кухню через печь они уже не проникали с тех пор, как свалили ведро с водой и получили мокрой тряпкой. То ли стали ловчее, то ли поумнели — не уследишь же

— Таня, одевайся! Пойдём папе звонить. Только колготки правильно надевай. Большая уже! А вы не хулиганьте тут! Слава, если Андрей захочет есть, дай ему молока. Из ведра не бери — оно не процежено. На столе в стакане стоит. И в печь не лезьте! Избу спалите! Мы скоро вернёмся, — раздавала мама указания дочке и «белой гвардии».

Белой гвардией её муж называл мальчишек. Во-первых, волосы на голове у них были белые, как и брови от солнышка, которое щедро освещало их край. Недаром в народе говорят, что республика солнечная. Всё лето с утра до вечера мальчишки проводили на улице под присмотром деревенских ребят постарше. Еду добывали сами: намочат кусок хлеба водой, присыпят сверху сахаром — и снова бегут по важным делам

А во-вторых, этих неразлучных хулиганов, несмотря на пятилетнюю разницу в возрасте, можно было найти на улице легко: там, где всегда шумно, там, где всегда весело и всегда на грани. Последний их подвиг — катание на овцах — поверг её в шок. Спасибо барану, что защитил своё семейство! Коленки у Андрея заживут. И Славу баран не сильно боднул. Будет наука обоим! Но белогвардейцы верхом на овцах — это неописуемое зрелище!

Она глянула на дочь. Та уже надела колготки и снова залезла в валенки отца. Она еле-еле передвигала ноги и, прикусив нижнюю губу, вытянула руки вперёд. В руках у неё был воображаемый руль автомобиля. Она уже переключилась на вторую передачу — это было понятно по звуку её «мотора». «Вы-вы-вы», — звучал грузовичок. Пора было останавливать этот ГАЗ-51, иначе не догонишь. Да и без платья, которое забыла надеть дочь, неудобно выходить к людям

— Таня, идём платьишко надевать. Папа, наверное, ждался нашего звонка. Пора идти, — молвила Рая и улыбнулась своей дочурке.

Стемнело. Рая с дочкой шли «по задам». Там транспорт не ходил, и дорога была получше. А вот у конторы пройти будет сложно: трактора и машины так размесили землю, что ноги вязли. Рабочий день закончился, контора была закрыта, а там находился единственный в деревне телефон. Ещё нужно было взять ключ у Нюры. Она, наверное, уже и полы там помыла. Нюра не откажет и снова выручит — она своя. Её муж Родомир и Толя — двоюродные братья.

Дорога была тяжёлая, как и её мысли. Вроде бы жизнь начала налаживаться. И сепаратор наконец купили — теперь к соседям за сепарацией молока ходить не надо. И телку удалось купить. Зимой она должна отелиться, в конце февраля. Будет две коровы. Излишки можно будет на базар возить — всякая копейка в семью.

Тяжеловато одной со скотиной справляться. Слава, правда, каждый вечер с ней в сарай ходит — маленький помощник ещё. Ни ведро с водой поднять не в силах, ни навоз почистить под коровой не может. Овец кормить любит: кидает им сено в загон и смотрит, как они едят. А в остальном только под ногами путается. Но пусть смотрит и учится.

Хорошо ещё дом и сарай построены под одной крышей. Особенно в пургу удобно: вышел из дома, прошёл мимо колодца — и ты уже в сарае, где сено под крышей и солома.

Скорее бы уж Толю выписали из больницы! Пятый месяц он уже «под арестом». Правда, врач говорит, что скоро выпишут.

И думать не думали, что беда придёт в дом. Весной приехал автобус с рентгеном. Всех жителей деревни просветили аппаратом, и у троих мужиков нашли туберкулёз. Володю уже схоронили — поздно этот ЗИС или ЗИЛ приехал. И в каком районе Башкирии он колесил — неизвестно. Но опоздал. Витьке, молодому парню, отрезали половину одного лёгкого. Сейчас он учится на киномеханика. А какой ещё лёгкий труд есть в деревне? Никакого.

А вот Анатолий уже пять месяцев находится в райцентре, в тубдиспансере, как в тюрьме. Было только одно свидание, когда она передала ему настой алоэ, мёда и кагора. Толком и не поговорили — не разрешают, карантин. Лечащий врач сказал, что поступили новые лекарства из Уфы, и выздоровление пойдёт быстрее. Скорее бы уж выписали!

Они подходили к конторе, рядом с которой жила Нюра. Там она и работала уборщицей. Здесь было хорошо слышно, как тарахтит дизель-генератор, вырабатывающий электричество на обе деревни. Только бы его раньше времени не отключили! У них всегда так: то солярка кончается, то дизель ломается, то дизелист не в форме.

А ей ещё нужно было детей накормить, молоко пропустить, посуду перемыть да закваску на хлеб поставить. Больше ничего и не успеешь. Да и картошку надо достать из подпола — на завтрак сварить. Молоко детям надоело. Квашеную капусту с постным маслом на стол поставит — они это любят. Целая бочка стоит в коридоре. Вот Толю выпишут — тогда он и опустит её в погреб. Ей эта бочка не под силу.

Дозвонились быстро. Говорили недолго, только о делах. Таня тянулась ручонками к телефону. И когда настал её черёд беседовать с отцом, она крепко сжала трубку двумя руками, поднесла это чудо прямо к лицу и тихо сказала:

— Аллю, папа!

— Здравствуй, доча! — ответил папа.

Но она этого уже не слышала. Женская натура взяла своё — она заревела как сирена, громко и протяжно. Слезы бежали ручьём. Телефонная трубка выпала из рук ребёнка и, покачиваясь на проводе у края стола, удивлённо хохотала хриплым голосом мембраны, поражённая нестандартным поведением абонента. На том разговор и закончился.

Домой идти было легче. Пошёл первый в эту осень снежок крупными хлопьями, слегка подморозило. Стало лучше видно тропинку, и ступать было легче по хрустящей корочке. И главное — разговор с мужем придавал силы!

Таня же думала о своём. Она завтра снова наденет подшитые валенки папы и поедет в них ему навстречу. И привезёт папу быстро домой. И мама по ночам перестанет плакать.

Славик

Славику исполнилось пять лет. Он был вольный казак, ведь в садик ходить уже не надо, а в школу рано. Папа принял «бунт» старшего сына как правильное и мудрое решение. Он сам вырос в деревне и не ходил в садик. Правда, тогда была война и он помогал отцу пасти табун. Подпаском числился.

Вот и Славик уже большой, самостоятельный: и дров в дом принесет, и табун встретит. Хотя бывало, что овец мог загнать и на чужую карду, но зато рогатых своих, корову и башмака, хорошо запомнил. Да и от другой работы не отлынивал. Грядки с луком поливал, хотя не любил его есть — всегда из тарелки с супом его ложкой вылавливал и клал на стол. А если надо, мог братика и сестричку из садика забрать или наоборот — отвести туда. Хоть и лето уже было, но за этими малыми, в отличии от него, нужен глаз да глаз. Пусть ходят в садик!

Лето в тот год было жарким. И свободное от своих обязанностей по дому время он проводил на речке. На небольшой речушке Стерле, протекающей рядом с деревней, было отличное место. Там на пологом берегу был настоящий пляж! Все потому, что этом месте был крутой поворот русла и течение ежегодно выносило очень много свежего песка, на котором можно было отогреться, когда синели губы и начинало трясти от холода. Самые слабые быстро уходили домой, а Славик и его друг Сергей могли выжать трусы от воды и, приняв позу эмбриона, согреться, немного позагорать и снова бултыхнутся с разбегу в воду.

Если купаться в лягушатнике и не лезть, туда, где купаются ребята постарше, то и не утонешь, и подзатыльник не дадут большие ребята. Конечно, хотелось раков доставать из нор, как делали это старшеклассники. Он видел, как мальчишки их жарили на костре и ели уже красных. Так Славик и узнал, почему говорят «красный как рак».

Но им позволялось только до «краски» доходить. Так её называли. А фактически в этом месте была необычная глина всех цветов радуги, укрытая руслом реки. Из этой «краски» все делали различные фигурки.

Иногда они строили из песка замки или трассы для автомобилей с крутыми поворотами и мостами автомобильными. Машинок не было покупных. Зато на берегу можно было легко найти много камешков похожих как на машины, так и на трактора.

А вчера они курили. Талгат принес спички и показал, как нужно делать сигарету из прошлогоднего сухостоя полыни, как прикуривать и как пускать дым через нос. Самое сложное, а практически невозможное, было пускать дым через нос. Но, Талгат обещал обязательно научить. А уж потом даже показать, как дым кольцами пускать. Ещё он умеет делать рогатки. У него есть ножик. Им надо только резинки принести. Вообще, Талгат много знает — он уже во втором классе учится.

А вечером где-то затарахтел трактор, и они бежали смотреть за его работой. Интересно было наблюдать, как делали из коровьего навоза кизяк, которым топили печи в домах. Им даже разрешили помогать. Трактор делал кирпичи, длину которых определял дядька. Он лопатой отрубал короткие блоки, а дети их аккуратно несли подальше и клали на траву, чтоб они сохли. Потом побежали на речку мыть руки и живот.

Завтра будет воскресенье и они опять будут помогать толкать машину-лягушку. У неё впереди одно колесо, как у мотоцикла, а сзади два как у машины. Но есть руль и два сиденья. Когда эта «лягушка» заводилась можно было сзади запрыгнуть, если успеешь конечно, и немного проехать. Только у дяди Рифа в деревне есть машина.

А что касается Талгата, то Славик догонит его и в шестом классе они будут учиться уже вместе, но не потому, что Славик вундеркинд. Ученик превзойдет своего наставника. И речь, надо думать, пойдет не о математике или правописании. Произойдет очередное взросление и познание мироздания. Но это уже совсем другая история.

В гостях у бабушки

«Папа! Мой самый строгий папа! Мой самый любимый папа!», — думала Таня. Сегодня у нее был праздник — она ехала с папой в гости к бабушке. Ведь чаще всего ей строго-настрого запрещено было подходить к грузовику. Лишь иногда девочка могла посидеть у отца на колеснях, и покрутить руль этой большой машины. Но это было только тогда, когда Анатолий Васильевич рано приезжал из рейса.

Они ехали по грунтовой дороге очень быстро. «ЗиЛ» весело пел: «Уууууу», а когда поднимались в горку то рычал: «Вывывывы». На кочках машина подпрыгивала и подбрасывала Таню, а когда она приземлялась на пассажирское сиденье, её платице раскрывалось как парашют, а затем снова прикрывало её колени. Отчего та заливисто смеялась. Из всех сил она держалась обеими ручками, старалась не упасть с сиденья. И вот пружины, что были встроены в сиденье, снова подбрасывали ребенка вверх. Это был такой весёлый аттракцион! А самое главное то, что папа был рядом. Нет, главное, что дочь была рядом с папой! Таня редко видела его и скучала. Эти его рейсы были такими долгими, что она не могла дождаться его возвращения. Только иногда сквозь сон девочка чувствовала его поцелуй в щёчку. А когда она просыпалась, рядом была только мама и два её старших брата.

Таня вспомнила вчерашний случайно подслушанный разговор родителей, которые сидели на крылечке вечером и обсуждали текущие дела:

— Рая, почему у нас грядки не прополоты?

— Толя, я не успеваю. После работы кушать готовлю и времени не хватает.

— Таню заставляй.

«Интересно. А у бабушки есть грядки? Я буду ей помогать», — думала пятилетняя девочка.

Тем временем машина подъехала к деревне с непонятным для ребенка названием «Адвокатовка», и они остановились у ворот. Папа вышел из кабины, открыл ворота, а после въезда вновь закрыл. Она разглядела, что ворота были из жердей, дальше ограда была из плетня. «Как интересно! А наша деревня не огорожена. Почему так?», подумала Таня. «Надо у папы спросить. Нет, ему нельзя мешать. Он же рулит. Лучше у бабушки спрошу завтра или послезавтра» — решила рассудительная папина дочка.

Она проснулась на печи и позвала бабушку. Та подошла и сняла ее с теплой лежанки.

— Бабушка, а папа уже уехал?

— Да, внучка. Ещё темно было, когда он уехал. Иди умывайся. Я тебе полью из ковшика. Да, щи будем кушать.

— Не буду. Я их не люблю. Они не вкусные.

— А папа нахваливал и говорил, что мои щи самый вкусные в мире.

— Правда?

Таня старательно вытирала каждый пальчик и любовалась красиво вышитым рушником.

— Бабушка, а косу заплести...

— А давай, мы сегодня сначала покушаем, потом косу заплетем. Ты долго спала после длинной дороги, Уморилась. Глянь на часы!

Внучка посмотрела на часы и поняла только одно: большая стрелка была почти в самом верху. Значит, скоро кукушка снова закукует. Фёкла Михайловна взяла ухват и стала доставать чугунок.

Таня рассматривала избу. Слева от часов были два окна, они выходили на улицу. Под окнами стояла лавка. Справа от часов с кукушкой в переднем углу были иконки. Дальше, вдоль стены, стояла широкая лавка. Выше лавки были два окна, которые выходили на юг. В углу стояла широкая кровать, на которой была перина и много пуховый подушек, которые лежали

одна на другой. Сверху ложе было закрыто балдахином из марли. Между кроватью и входной дверью в стену были забиты гвозди кузнечной работы, на которых висели бабушкина фуфайка, клетчатая шаль и что-то ещё. За дверью стоял умывальник. Дальше располагался стол, на котором стоял кирогаз. «У мамы такой был. А сейчас она купила примус» — отметила девчушка. Сверху была полочка, где размещалась кухонная утварь. Дальше стояла большая русская печь. За ней, в углу между печкой и стеной, стояла небольшая кровать, над которой под самым потолком были полати, где бабушка вчера разрешила только полежать. А спали они с бабушкой на печи, вдоль которой стояла широкая лавка — на ней можно и поспать при желании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.